

Дмитрий СТРЕЛЬЦОВ

Заведующий кафедрой востоковедения

МГИМО, профессор

доктор исторических наук

dmstrl@gmail.com

Инд-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений

С середины 2000-х годов в мировом политическом дискурсе стала обсуждаться идея Индо-Тихоокеанского региона (ИТР). Это связано с тем, что на рубеже XX и XXI веков геополитическая связь между Индийским океаном и Западной частью Тихого океана стала более ощутимой как в геоэкономическом аспекте, так и сфере безопасности. Именно на стыке этих двух океанских бассейнов сформировалась новая арена противостояния мировых держав. Регион включает Китай, Японию, страны Корейского полуострова, Восточную и Северо-Восточную Азию, Австралию, Новую Зеландию и Океанию, США, Канаду, Мексику и тихоокеанские страны Латинской Америки, охватывая половину населения мира и более трети мировой экономики. Экономическое развитие региона имеет темпы роста выше среднемировых, в результате чего увеличивается и его экономический вес - достаточно скоро его доля составит половину мирового ВВП. Однако дело не только в экономике: на индо-тихоокеанском пространстве сконцентрирована значительная часть кон-

фликтного потенциала планеты - военных, территориальных, этноконфессиональных, экологических конфликтов, а также связанных с непростыми историческими проблемами и т. д.

Следует отметить, что термин «Индо-Тихоокеанский регион» появился в науке о международных отношениях уже достаточно давно. По мнению австралийского эксперта Рори Медкалфа, он восходит к 1960-м годам и даже к периоду колониального прошлого¹. Еще в 2007 году его использовали в своих работах индийские политологи. В том же, 2007 году премьер-министр Японии Синдзо Абэ, выступая в индийском Парламенте, говорил в своей речи «Слияние двух океанов», о «динамической связи» Индийского и Тихого океанов и призывал создать «дугу свободы и процветания», включив в нее страны не только Восточной и Юго-Восточной, но и Южной Азии. С.Абэ отмечал, что Индии и Японии как «одинаково мыслящим демократическим морским государствам» необходимо способствовать свободе и процветанию в «более широкой Азии», которая должна включать Японию, Индию, США и создавать возможность свободного перемещения людей, капиталов, товаров и знаний².

С начала 2010-х годов понятие «Индо-Тихоокеанский регион» достаточно прочно закрепилось не только в мировом политологическом дискурсе, но и официальных документах, а также в публичных выступлениях государственных должностных лиц США и Австралии. В 2013 году словосочетание «Индо-Тихоокеанский регион» было включено в Белую книгу по обороне, издаваемую австралийским правительством. В США понятие «Индо-Пацифика» (Indo-Pacific region) стало использоваться с 2008 года администрацией Б.Обамы, но достаточно редко - сам американский президент предпочитал использовать термин Азиатско-Тихоокеанский регион (Asia-Pacific region). Однако после смены власти в 2016 году понятие «Индо-Тихоокеанский регион» прочно вошло в официальный оборот администрации Президента Д.Трампа, который нуждался в идейном обосновании своей политики на азиатском направлении.

В ноябре 2017 года в ходе своего азиатского турне Д.Трамп активно пропагандировал идею создания «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», уделив ей особое место в своем выступлении на «полях» саммита АТЭС в Дананге, а также на встрече с филиппинским Президентом Р.Дутерте. Эта идея постепенно вытеснила традиционную для американской риторики идею «порядка,

основанного на правилах». Например, в своей речи перед лидерами бизнес-сообщества во время проведения саммита АТЭС в Дананге Д.Трамп охарактеризовал Индо-Тихоокеанский регион как территорию, в которой независимые нации смогут «проявлять стремление к свободе и миру», а все страны «будут придерживаться правил»³.

Идею ИТР активно использовали в ходе брифингов по итогам азиатского турне Трампа, посетившего Филиппины, Вьетнам, Китай, Южную Корею и Японию, и другие представители американской администрации, включая советника президента по национальной безопасности Г.Макмастера и госсекретаря США Р.Тиллерсона, который в своих речах в ходе данного турне использовал термин «ИТР» более 15 раз. Он подчеркивал, что демократические союзники США, Япония и Австралия должны работать вместе, чтобы противостоять «китайскому вызову международному порядку, который основан на правилах»⁴.

В представлении американцев, «свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» должен строиться на объединении стран, принимающих общие либеральные ценности. В их числе, по словам советника Президента США по национальной безопасности Г.Макмастера, - идеи свободы судоходства и воздушного сообщения, верховенства права, свободы от принуждения, уважения суверенитета, принципов частного предпринимательства и открытости рынков⁵. Особую роль среди этих правил играет принцип свободы судоходства, касающийся двух ключевых морских торговых путей, соединяющих Восточную Азию с Ближним Востоком и Европой. Понятие «Индо-Тихоокеанский регион» прочно связано с вопросами безопасности морских коммуникаций - его введение в оборот призвано дать сигнал о том, что безопасность в регионе будет подкрепляться свободой судоходства на море, и прежде всего тех морских торговых путей, которые связывают Восточную Азию с Ближним Востоком и Европой⁶.

Полемика вокруг понятия «ИТР» дает основания задаться вопросом о том, является ли «новомодная» концепция «Индо-Пацифика» состоятельной с содержательной точки зрения или это искусственная идейно-синтетическая конструкция, имеющая мало общего с реальной жизнью. Нельзя не согласиться с выводом о том, что в основе идеи «Индо-Пацифика» лежат глубоко взаимосвязанные экономические, международно-политические и военные процессы. Анализ этих процессов, динамично протекающих в бассейнах Ти-

хого и Индийского океанов, позволяет сделать вывод о формировании новой региональной общности, основанной на взаимопроникновении и взаимодействии двух крупнейших мировых океанов. Можно вспомнить в этой связи, что и понятие «евро-атлантическое пространство», возникшее в послевоенный период в качестве пропагандистского инструмента для идейного обоснования военно-политического единства судеб США и Западной Европы, долгое время представлялось искусственным конструктором.

Аналогичным образом неестественным казался многим и нарратив «Азиатско-Тихоокеанский регион», появившийся в 1970-х годах в Америке в связи с необходимостью аргументировать военно-политическую гегемонию США в Восточной Азии и бассейне Тихого океана. Однако сегодня закономерность существования обоих этих терминологических конструкторов не вызывает никаких сомнений - за ними стоят реально существующие региональные системы с мощным комплексом экономических, политических, социальных, военных и культурно-гуманитарных связей.

Становлению региона в единое целое способствует сразу несколько факторов. Прежде всего, это активно протекающие там экономические процессы, отличительной чертой которых стало активное вовлечение экономического пространства бассейна Индийского океана в орбиту экономических интересов динамично развивающихся экономик Восточной Азии.

На просторах Индо-Тихоокеанского региона формируется новая арена торговой и экономической конкуренции, развитие которой будет со временем все сильнее определять пути развития глобальной экономики. Через Индийский океан пролегают крупнейшие торговые пути, связывающие восточноазиатских потребителей энергии с их поставщиками на Ближнем Востоке. Именно через Индийский океан Китай, Индия, Южная Корея и Япония получают значительную часть своих энергетических и иных сырьевых ресурсов с Ближнего и Среднего Востока и из Восточной Африки, именно по Южному морскому пути, пролегающему через Малаккский пролив, Индийский океан и Суэцкий канал, проходят караваны судов из Восточной Азии в Европу. Страны бассейна Индийского океана оказались вовлечены в формирующуюся в Азиатско-Тихоокеанском регионе систему экономической интеграции, найдя свою нишу в качестве источника сырья, транспортно-логистического коридора, а в перспективе - и в первую очередь с учетом огромного потенциала

экономического развития Индии и других стран Южной Азии - и важнейшего рынка сбыта продукции, произведенной в восточноазиатских странах.

Другим значимым трендом явилось расширение ареала проблем безопасности, стоящих перед странами Тихоокеанской Азии, на государства бассейна Индийского океана. Регион становится объектом военного, политического и экономического соперничества крупнейших мировых держав, и прежде всего США и Китая. Именно в этом регионе быстрее всего растут военные бюджеты и разворачивается ожесточенная гонка вооружений, особенно военно-морских, именно отсюда исходит угроза эскалации локальных конфликтов в полномасштабные войны, в том числе с использованием оружия массового уничтожения.

Нелишне упомянуть, что в Индо-Тихоокеанском регионе расположен целый ряд ядерных и «пороговых» государств и наиболее остро стоит проблема ядерного распространения. Соответственно, именно там стоит искать ключ к большинству вопросов глобальной безопасности. Кроме того, проходящие через регион морские коммуникации стали требовать особого внимания на предмет защиты от пиратства, распространения оружия массового уничтожения, нелегальной иммиграции, иных традиционных и нетрадиционных угроз.

США и другие страны либерального блока, озабоченные расширяющимися военно-морскими возможностями и военными амбициями Китая, стали предпринимать более активные усилия для противостояния военно-политическим и экономическим вызовам в регионе, связанным в первую очередь с Китаем. Основанием для подобной озабоченности стало наращивание активности Китая в бассейне Индийского океана. В последние годы наметился процесс интенсификации транспортно-логистических потоков, соединяющих Китай и страны евразийского континента через Индийский океан. Примечательна и наметившаяся в последнее десятилетие военно-политическая экспансия Китая в бассейн Индийского океана, ставшего с 2008 года объектом деятельности военно-морского флота КНР. В 2013-2014 годах Китай начал в Индийском океане патрулирование в рамках операций по борьбе с пиратством, после чего там появились ядерные и конвенциональные подводные лодки КНР. В 2015 году Китай подписал с Джибути соглашение о создании своей первой зарубежной военной базы, в планах - строитель-

ство новой военно-морской базы КНР в пакистанском порту Гвадар, который был открыт в 2007 году при активном участии китайских инвесторов. Именно в Индийском океане Китай реализует свою стратегию «нить жемчуга» - стратегию строительства военно-морских баз в «дружественных» странах бассейна Индийского океана (Пакистане, Шри Ланке, Мьянме и др.).

Одновременно Пекин стал проявлять повышенное внимание западному и юго-западному направлениям своих внешнеэкономических связей, олицетворением чего стала инициатива Председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс - один путь». Значительная часть инфраструктурных проектов в рамках этой инициативы обращена опять-таки на страны Индийского океана. При этом если Китай позиционирует развитие портовой инфраструктуры в Пакистане как часть сугубо мирной инициативы «Пояса и пути», то на Западе считают, что Пекин пользуется данной возможностью для укрепления своего военного присутствия в регионе.

На этом фоне Вашингтон стал активно развивать идею создания так называемого четырехстороннего стратегического альянса с участием США, Японии, Австралии и Индии («четверки»), призванного обеспечить противодействие военному подъему Китая в регионе. При этом особую роль в политике США стала играть Индия, с которой США проводят с каждым годом более активную координацию политики в области военной безопасности. США стремятся к тому, чтобы Индия, третья по величине экономика региона, играла еще большую роль в решении региональных и глобальных вопросов безопасности.

Внимание к Индии в дипломатических приоритетах США связано с тем, что эта страна в глазах Вашингтона способна оказать эффективное противодействие растущему экономическому и военно-политическому влиянию Китая в бассейнах Тихого и Индийского океанов⁷. Ставка США на Индию неслучайна. Индия с каждым годом играет все более активную роль в политических и экономических процессах не только Южной, но и Восточной и Юго-Восточной Азии. При этом обращает на себя внимание колоссальный потенциал развития индийской экономики, которая, как ожидается, станет к 2050 году по объему ВВП второй в мире, составив конкуренцию экономике Китая.

Особое значение для оценки перспектив экономического развития Индии в сравнении с Китаем имеет демографический фактор:

уже сегодня население Индии насчитывает 1 млрд. 200 млн. человек, а к середине века оно будет больше, чем в Китае. При этом важно и то, что медианный возраст в Индии составлял в 2015 году всего 27 лет (в Китае - 37)⁸ и разрыв в возрастной структуре двух стран будет со временем только увеличиваться. Неуклонное старение населения Китая неизбежно приведет к снижению темпов роста экономики, которые уже сегодня уступают показателям Индии.

Роль Индии как некоей альтернативы Китаю особенно возросла с приходом администрации Трампа, которая пытается выстроить американо-индийские отношения на основе приверженности общим «демократическим ценностям» и неприятия китайской политической и экономической модели. Демонстрируя преемственность с политикой предшествующих администраций (и прежде всего администрации Дж.Буша-младшего), Белый дом проводит линию на развитие стратегических отношений с Нью-Дели, включающих в себя как политико-дипломатическую, так и военную компоненты. Между двумя странами все активнее развивается сотрудничество в сфере военной безопасности - поставки оружия и военных технологий, совместные военно-морские учения и даже элементы совместного военного планирования.

Индия придерживается неизменно осторожной политики в отношении любых форм участия в военных блоках. Однако примечательно, что на протяжении последнего десятилетия она проводит все более активную политику в отношении Юго-Восточной Азии и стран тихоокеанского бассейна. В рамках доктрины «Действуй на Востоке» Нью-Дели в последние годы заключил сразу несколько стратегических партнерств в Восточной Азии как в двустороннем, так и многостороннем форматах. Индия проводит все больше военно-морских операций и учений в западной части Тихого океана, став активнейшим сторонником свободы судоходства в Южно-Китайском море.

Итак, концепт Индо-Тихоокеанского региона во многом явился результатом значимых стратегических трендов, касающихся повышения взаимосвязанности отдельных субрегионов Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, военно-политического и экономического подъема Китая, усиления региональной и глобальной роли Индии, обострения в обозримой исторической перспективе конкуренции между двумя азиатскими сверхдержавами. Главный геополитический риск для регионального развития связан с неиз-

бежным столкновением интересов Пекина и Нью-Дели, в основе которого будет лежать пересечение двух векторов военной и экономической экспансии - западного в политике Китая и восточного в политике Индии. Это, с одной стороны, создает между ними обширнейшую зону конкурентного перекрытия, с другой - объединяет Индийский и Тихий океаны мириадами новых отношений, вовлекая в их орбиту большинство стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

В перспективе наиболее отчетливо тренды дальнейшего развития Индо-Тихоокеанского региона будут просматриваться в двух плоскостях - в экономической сфере и в сфере безопасности. В области экономики можно прогнозировать конкуренцию между различными подходами к инфраструктурному развитию в странах Большой Восточной Азии. По большому счету эта конкуренция будет развиваться между Китаем, с одной стороны, и возглавляемой США коалицией стран - приверженцев «либеральных ценностей» в составе Индии, Австралии и Японии (стран «четверки») - с другой. «Либеральные демократии», по всей видимости, попытаются создавать для стран, ставших клиентами китайской политики помощи развитию, некую альтернативу, призванную не допустить чрезмерного геоэкономического доминирования Китая в Азии. Этим странам будут предлагаться «открытые» и «свободные» проекты инфраструктурного развития, реализация которых позволит обеспечить их участие в региональной экономической интеграции. Таким образом, инфраструктурное развитие станет для этих стран возможностью «приобщения» к правилам и нормам, действующим в либеральной системе торговли и устанавливаемым в первую очередь в США.

В сфере безопасности на первый план неизбежно выйдут вопросы свободы мореплавания и морской торговли, безопасности морских и воздушных коммуникаций. «Либеральные» страны будут отстаивать свободу для военно-морских и военно-воздушных сил США и дружественных им государств, действовать во всех частях Тихого и Индийского океанов в соответствии с принципом свободы мореплавания. В реальности это будет означать прямое столкновение с политикой Китая по недопущению иностранных судов в те акватории, которые он считает своими. Попытки Китая установить суверенитет над Южно-Китайским морем, его политика создания там искусственных островов будут рассматриваться как прямое посягательство на принцип «свободы и открытости». Все активнее проя-

вит себя поляризация сил по отношению к территориальным конфликтам в регионе, эскалация которых неизбежно приведет к еще большей консолидации «либеральных демократий» на основе идеи сдерживания Китая. Поэтому формат «четверки» как диалоговый формат в сфере политики и безопасности станет, скорее всего, развиваться и расширяться за счет других стран региона, озабоченных напористостью китайской политики в регионе.

Однако трудно представить, чтобы в краткосрочной перспективе на базе «четверки» или иных подобных форматов в регионе произошло формирование полноценных военных блоков, разделенных по оси американо-китайского противостояния. Страны Юго-Восточной Азии, включая таких американских партнеров в регионе, как Сингапур, Филиппины или Вьетнам, все же придерживаются позиции неприсоединения и предпочитают отказываться от каких-либо обязательств, которые были бы восприняты в Пекине в качестве «недружественных». Даже входящая в «четверку» Австралия, являющаяся крупнейшим торговым партнером Китая и не имеющая с ним каких-либо территориальных конфликтов, стремится избегать участия в таких соглашениях в сфере безопасности, которые могут в глазах Пекина казаться средством его военного сдерживания.

Стоит также высказать определенные сомнения в отношении действенности предложенной США концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в качестве морального ориентира для стран региона. Американский президент своими действиями уже отпугнул многих приверженцев свободной международной торговли - он взял курс на выход США из Транстихоокеанского партнерства и других многосторонних интеграционных группировок, отдавая предпочтение принципам «справедливой торговли» в противовес «свободной торговле». Все более непредсказуемая политика американского президента заставляет азиатских лидеров задаться вопросом, останутся ли США верны взятым на себя обязательствам в военной области и будут ли США защищать те принципы, которые лежат в основе предложенной ими концепции. Падение популярности Трампа и непоследовательность его политики в Азии затруднят для Белого дома реализацию любых инициатив, независимо от того, насколько хорошо они соответствуют стратегическим и экономическим интересам азиатских стран.

¹*Peter Martin, Justin Sink and Iain Marlow.* Trump Discovers 'Indo-Pacific' on Asia Tour in Boost for India // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-11-13/trump-discovers-indo-pacific-on-asia-tour-in-boost-for-india>

²*Кистанов В.О.* Индо-тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. №2. С. 34.

³Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam. November 10, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/>

⁴*Bhavan Jaiprivas.* Why is the US calling Asia-Pacific the Indo-Pacific? Donald Trump to clarify // <http://www.scmp.com/week-asia/politics/article/2118806/why-us-calling-asia-pacific-indo-pacific-trump-clarify>

⁵Press Briefing by Press Secretary Sarah Sanders and National Security Advisor H.R.McMaster. Novemer 2, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/press-briefing-press-secretary-sarah-sanders-110217/>

⁶*Kuo Mercy A.* The Origin of 'Indo-Pacific' as Geopolitical Construct // <https://thediplomat.com/2018/01/the-origin-of-indo-pacific-as-geopolitical-construct/>

⁷*Старкин С.В.* Индо-тихоокеанское геостратегическое пространство во внешнеполитическом дискурсе Индии и США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2013. №3(1). С. 348.

⁸Средний возраст населения в странах. 2015 // <http://total-rating.ru/1662-sredniy-vozrast-naseleniya-v-stranah-2015.html>

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, морские коммуникации, «нить жемчуга», принцип «свободы и открытости», четырехсторонний стратегический альянс.